

В канун Дня Согревающего Очага в каминном дымоходе Доттид Лайна поселился безымянный ужас. Снова. Доттид пытался не замечать его и продолжать работать, но перекрытый дымоход означал отсутствие огня, а пробивать пером ледяную корочку в чернильнице становилось весьма утомительным. Потустороннее бормотание работе также не способствовало. Единорог вздохнул.

— Профессор, есть хоть какой-то шанс убрать эту штуку до того, как я заледенею?

Профессор Ивори Абакус подняла взгляд от толстой, зачем-то украшенной маленькими серебряными колокольчиками книги и нахмурилась.

— Тут дело серьезное, Доттид. Мы имеем дело с сущностью третьего класса, вызванной пространственной нестабильностью Королевского Дворца. Очень устойчивой сущностью. И опасной.

Доттида это не убедило. Не обращая внимания на протестующие суставы, он встал со стула и прошелся вокруг стола, чуть подскальзываясь на предгорьях бумажных пиков.

— Не вешайте мне лапшу на уши. Одно и то же каждый год. Наступает День Согревающего Очага, и словно по расписанию эта штука занимает мой дымоход. Бормочет, хохочет так, что кровь стынет в жилах, а потом исчезает, прихватив с собой все носки в радиусе 137 футов. Даже думать не хочу, зачем они ему понадобились. А хочу я, чтобы его не стало и я мог закончить свою работу.

— О, но ведь в этом году все совершенно *по-другому*! Мы наконец-то заполучили последнюю уцелевшую копию “Мистерий Оленя”¹, — ответила Ивори и в подтверждение своих слов потрясла упомянутой книгой. Та издала грустный перезвон, который, как это ни странно, прозвучал зловеще.

— И это поможет нам, потому что...

— Ну, мы наконец узнаем, что эта штука из себя представляет и как можно изгнать ее навсегда. Теперь, если я правильно поняла то, что здесь написано... гм... тут древнее стихотворение, которое содержит указания к действию... гм... быть начеку, не шуметь². Видимо, намек на хороший слух. Это нам пригодится. Кстати, оно может наблюдать за тобой, пока ты спишь. Возможно, ходит по снам. Если это так, то мы можем заручиться помощью Принцессы Луны. И да, оно знает о твоих прегрешениях. Это очень настораживает.

— Меня не интересует его резюме, профессор. Я просто хочу, чтобы его не стало.

¹ Отсылка к “Мистериям Червя” (“De Vermis Mysteriis”), вымышленной книге из произведений Роберта Блоха и Говарда Филлипса Лавкрафта. (Здесь и далее в виде сносок — примечания переводчика)

² В оригинале — дословное цитирование известной песни [“Santa Claus Is Coming to Town”](#).

— Это полезная информация! Тут есть описание. Оно названо ужасным чудовищем, цветов багрянца и мертвенной белизны... и что-то о... хм... уплощенных когтях для песка?³ Оно может быть водоплавающим или земноводным! А еще тут сказано, что у него жуткий смех, как...

— **ХО-ХО-ХО.**

— Да, смех я уже слышал, — с плохо скрываемым раздражением процедил Доттид. Он обошел Ивори и направился к камину.

— Доттид, мне кажется, вам не следует...

Но Доттид, движимый больше порывом энтузиазма, чем голосом разума, уже засунул голову в дымоход.

— Эй, привет! Сэнди, или как тебя там. Ты не против убраться отсюда и подыскать себе какую-нибудь другую трубу? Хотя бы в этот раз? Просто у меня планы на Согревающий Очаг и...

В ответ раздалось глухое грохотание, ощущаемое скорее копытами, чем слухом, за ним последовала вспышка света. Потом наступила темнота.

В канун Дня Согревающего Очага в каминном дымоходе Спиннин Топ поселился безымянный ужас. И что еще хуже, это был ее босс.

— Доттид! Как ты туда попал?

— Я не хочу об этом говорить.

Спиннин Топ ненадолго задумалась и пожала плечами.

— Оу. Хорошо. Тогда мне стоит вернуться к работе, да?

Сочтя молчание из дымохода за знак согласия, она села за стол и продолжила усердно писать. Иногда она прерывалась, подбирая нужное слово, и непроизвольно вдавливала перо себе в носик — манера, которая всегда приводила ее мать в бешенство. В один из таких моментов, когда она рассеянно смотрела на хлопья снега за окном и решала, как наиболее прилично можно заменить выражение “недостойный идиот”, из камина вновь раздался голос.

— Итак, над чем ты работаешь?

³ В оригинале “sandy claws”, эрратив на “Санта Клаус”, встречается в [“Nightmare Before Christmas”](#).

— О, я пытаюсь исправить то, что натворил Блюблад. А чем занят ты?

— Вишу вниз головой в дымоходе. А что он натворил?

— Он оскорбил посла Союзных Городов и Центральной Зебрики. Что-то там про соломенные хижины. Или юбки. Это может разрушить торговый договор. Тебе точно не нужна помощь со всей этой историей с дымоходом?

— Проклятье. Как бы мне хотелось, чтобы принцессы разрешили нам просто затыкать его на публике. И нет, я в порядке. Профессор Абакус уже отрядила на помощь очень опытного трубочиста. С минуты на минуту... *Эй, следи, чтобы эта твоя щетка не попала мне...*

Последовали вскрик, странный скользящий звук, и Доттид вывалился в погасший, к его счастью, камин, подняв облако сажи и золы. По-видимому, он решил, что лучшим способом сохранить остатки достоинства будет притвориться, что ничего вообще не происходило. По мнению же Спиннин, это было чрезвычайно плохим решением. Он поднялся на ноги, попытался отряхнуть шерсть, но понял, что делать это вымазанным в саже копытом бесполезно, оставил попытки и вылез из камина с таким видом, как будто подобный способ вваливаться в кабинет к пресс-секретарю был совершенно нормальным.

— Так. Гхм. Каков твой план?

— Подготовить официальные извинения и направить их в посольство. Подготовить “искренние” извинения Блюблада и заставить его отрепетировать их. Притащить его к Мкали и заставить произнести с минимумом ошибок. Надеюсь, это сгладит ситуацию. Постараться отбиться от прессы, которая всю плешь проест. У них вечно недостаток материала перед Днем Согревающего Очага, так что они никак не пропустят такой лакомый, освежающий скандалчик. Половина из них займет позицию “ЕГО ВЫСОЧЕСТВО БЛЮБЛАД НАНЕС ШОКИРУЮЩЕЕ ОСКОРБЛЕНИЕ”, а другая половина — “ЭКВЕСТРИЯ ПРЕСМЫКАЕТСЯ ПЕРЕД ЗЕБРАМИ”, этот вариант всегда популярен.

Доттид скорчил гримасу.

— А ты разве не хотела навестить семью на День Согревающего Очага?

— Хотела. Я просто заскочила в контору утром, чтобы подписать несколько бумаг, а потом услышала, что Блюблад в очередной раз *оступился*. Похоже, мне придется послать весточку, чтобы меня не ждали. С ситуацией надо разобраться незамедлительно.

— Я займусь.

— Прости? Ты, должно быть, шутишь, — сказала Спиннин, взметнув брови.

— Нет, не шучу. Я уже отпустил всех, кого мог, всех, у кого есть хоть какая-нибудь семья. Иди. Побудь у Согревающего Очага со своей семьей. Я разберусь с бардаком.

— Доттид, я...

— Иди. Селестия пресвятая, сейчас канун Дня Согревающего Очага. Я поговорю с Мкали сам.

Что бы Спиннин ни хотела произнести, слова умерли у нее на устах. Удивленно открыв глаза, она откинулась на спинку стула. Чуть смутившись из-за проявленных таким образом эмоций, тут же попыталась скрыть их за ехидной полуулыбкой [1] и вновь склонилась к столу, поставив на него переднее копыто.

[1] Улыбка №38а — чуть насмешливое, но все же вежливое, недоверие.

— Ты? Ты собираешься пойти с повинной к *Мкали*?

— Да.

— К Безжалостной Зебре?⁴

— Так точно. У нее могут быть, а могут и не быть, некоторые долги передо мной.

— Какого рода долги?

— Я не могу рассказать тебе, не нарушив параграфа два Закона о государственной тайне.

— У меня нет слов.

— До свидания.

— Что, прости?

— Это то, как ты должна ответить. “До свидания”. Ведь ты уходишь домой.

— Но мне надо закончить...

— Я сделаю это.

— Но...

— Никаких “но”. Иди. Побудь со своей семьей.

⁴ Отсылка к балладе [“Безжалостная красавица”](#) (“La Belle Dame sans Merci”) авторства английского поэта Джона Китса.

— А как насчет тебя?

— Не беспокойся обо мне. У меня есть планы на этот День Согревающего Очага. А теперь иди. Если я вернусь из посольского крыла и увижу, что ты все еще здесь, клянусь, я отыщу стражника, которого еще не отпустили домой, и заставлю его выкинуть тебя вон.

С этими словами Доттид проскакал к выходу, оставляя за собой небольшие горстки сажи.

Обычно посольства и другие подобные заведения располагались в наиболее фешенебельных районах столиц, но Кантерлот был исключением. Неважно, насколько усердно пони старались убедить себя в обратном, Кантерлот в первую очередь был крепостью, а только потом городом. Так что посольства располагались в отдельном крыле замка. Доттид, почистивший себя щеткой и поднявший дух тщательно заваренной чашкой чая, спускался по мощеным дорожкам посольского крыла, коварно скользким сейчас под толстым слоем снега, и размышлял о том, что самоубеждение становилось особо бессмысленным здесь, в этом месте. Стены замка нависали над двором тяжелыми фигурами, словно замершими в готовности. То, что они были одеты в белоснежный мрамор и украшены веселенькими барельефами и статуями, казалось почти фарсом. На подходе к посольству Союзных Городов и Центральной Зебрики Доттид замедлил шаг и огляделся. Все эти нависающие стены делали это место наиболее защищенным среди всех остальных, за исключением разве что академии. В этом таилось послание. Доттид воспринимал его так: “Все эти гости находятся под нашей защитой, и ни огонь, ни меч не могут потревожить их безопасность”. Он надеялся, что Мкали видит это так же. Доброе расположение посла сейчас без всяких сомнений пригодились бы.

Стражники у дверей, один из Гвардии и один из собственного немногочисленного штата посольства, внимательно осмотрели его, его удостоверяющие документы, нагрудную цепь и переметные сумки, по всей видимости подозревая в нем коварного убийцу, надевшего поразительно убедительный костюм “Стареющий бюрократ”. Не обнаружив ничего, что могло бы нанести рану опаснее пореза бумагой, они пропустили единорога внутрь. Доттид позволил подобострастному лакею-зебре препроводить себя к приемной посольства, куда после небольшой паузы и зашел, сохраняя уровень настороженности как перед входом в логово дракона, отличающегося особенно дурным нравом. Едва переступив порог, Доттид машинально осмотрел комнату и почувствовал, как его дыхание хоть и чуть-чуть, но все же перехватило. Так случалось всегда, сколько бы раз он тут ни был.

Комната сама по себе была простовата, даже подчеркнуто простовата, хотя в дань ее высочайшему представительскому назначению деревянные балки, держащие потолок, были тщательно отполированы. Зато обстановку можно было охарактеризовать любым

словом, кроме “простая”. Несколько эквестрийских статуй классического периода обрамляли изящный цилинский⁵ батик — сборщики чая в святилище Ху Гонг⁶, насколько Доттид мог судить, — который, в свою очередь, висел прямо над изысканным образцом грифоньей резьбы по кости. В углу, как будто небрежно забытая, стояла верблюжья статуя Исчисляющей Богини чеканного серебра и лазурита. И так далее, и тому подобное, богатства со всего света. От Доттида не ускользнуло, что ковер, в котором его копыта уже едва не утонули, был из Седельной Арабии и, будучи проданным, обеспечил бы вам безбедную старость, вероятнее всего на вашем собственном острове. И в этом тоже таилось послание. “Созерцай же богатство, — гласило оно, — и силу, что собрала все эти вещи настолько издалека”. Все эти великолепие и красота делали почти что незаметным самое важное в комнате — истинного представителя Зебрики, что сидела сейчас в кресле и смотрела на задумавшегося единорога Взглядом.

[2] Доттид не слишком хорошо разбирался в искусстве, но то, что ему нравилось, он знал хорошо. И был это в основном чай. А еще делопроизводство и химия, конечно, но они редко становились темой цилинской живописи, что само по себе представляло некоторую загадку, так как цилиндры были исключительно успешны на обоих поприщах.

Доттид поборол мурашки. Он таким взглядом, наполовину раздраженным, наполовину анализирующим, в последний раз смотрел давным-давно, в годы работы химиком. Тогда у него не было зеркала под рукой, но он подозревал, что выражение, с которым Мкали разглядывала его прямо сейчас, достаточно хорошо совпадало с выражением, с которым он наблюдал за интенсивно выделявшим водород раствором литийборгидрида в гидразине. Тогда он покончил с возникшим тупиком, просто взорвав его. [3] Не желая проверять, насколько взрывным будет решение Мкали, он склонился в тщательно отмеренном полупоклоне и заговорил.

[3] Что, как он потом объяснял перевязывающей его Голди, было безусловно разумным решением для утилизации вещества, которое может либо отравить, либо поджечь, либо взорвать вас. Не спускать же такое в слив, в самом деле.

— О, ваше превосходительство, я просто восхищался...

— Да. Вы всегда восхищаетесь. Пожалуйста, господин секретарь, присаживайтесь.

Мкали указала на уютно выглядящий стул прямо напротив нее, по другую сторону невысокого столика, инкрустированного серебром. Стул был сделан в Грифонстане и, по прикидке Доттида, стоил половину его годового дохода. Двигаясь предельно осторожно, чтобы не разбить что-нибудь, чего он совершенно точно не сможет возместить, единорог приблизился и с благодарностью опустился на подушки.

⁵ Цилинь — химерообразное животное из китайской мифологии, символ долговечности и благополучия.

⁶ Отсылка к легенде популяризации чая [Лунцзин](#).

— Я желал бы быть здесь по более приятному поводу, ваше превосходительство, но, боюсь, мое дело касается поведения Блюблада.

— Да?

— Что ж, я в курсе, что его слова были очень... прискорбными и необдуманными, но надеюсь, что вы сочтете...

— Это официальные извинения? Мне казалось, их доставляют посыльным. И составляют более тщательно.

Доттид моргнул и мысленно поблагодарил свою толстую шерстку за то, что та скрыла румянец замешательства. Он решил отложить консервативную дипломатию в сторону и попытаться зайти с другой стороны.

— Ну, обычно их пишет Спиннин Топ. Но я отпустил ее домой. День Согревающего Очага, как вы, должно быть, знаете. Так что боюсь, что сегодня вам придется довольствоваться мной.

— В самом деле? Что ж, господин секретарь, должна вас предупредить, что доктор Топ установила довольно высокую планку.

Доттид моргнул еще раз и вновь ощутил то странное чувство, как будто с ним обращаются как с колбой, содержащей пузырящийся раствор, ведущий себя занимательно, но явно не так, как от него ожидали. Так или иначе, если Мкали желает экспериментов с гиперголами, она должна быть готова к случайному взрыву.

— Боюсь, я даже не буду пытаться повторить ее достижения, ваше превосходительство. То, что сказал его высочество, было идиотизмом, и я могу принести вам извинения или, если вы настаиваете, привести его высочество сюда собственной персоной, чтобы он принес их лично. Но, боюсь, для вас не составит труда разглядеть те ниточки, за которые я или Спинни будем его дергать. Правда, ваше превосходительство, заключается в том, что принц Блюблад не испытывает сожаления. Ни чуточки сожаления. И его нельзя заставить испытывать сожаление. Насколько мне известно, он не извинялся искренне ни перед кем за всю свою жизнь. С другой стороны, мне жаль, что вас оскорбили, и что его высочество выставил мое правительство и мой народ в таком плохом свете, тем более в день, когда все мы должны проявлять лучшие черты своих натур. Боюсь, что я не смогу принести достаточных извинений за то, чего не совершал. Так что я могу лишь взывать к духу Согревающего Очага и к вашей доброй воле и просить позволить ситуации затихнуть самой по себе. Я не могу предложить ничего лучшего.

Доттид прервался, несколько раз глубоко вдохнул и, мысленно глядя на весело пылающие за ним мосты, вспомнил, почему он всегда старался избегать подобных переговоров. Причины были вескими. Впрочем, иного выхода не было, оставалось только ждать реакции Мкали. Доттид уже приготовился быть выброшенным вназад из

посольства, а затем отчитываться на заседании правительства и перед собственной Гражданской службой за срыв торгового договора. Он рассеянно потянул за свою нагрудную цепь, поправляя ее. Последовавший ответ Мкали удивил его, настолько ее тон был мягок.

— Согревающий Очаг. Хм. Очень необычный праздник, как мне всегда представлялось.

— Простите? — переспросил Доттид. Разговор развивался не так, как он рассчитывал.

— День Согревающего Очага, — повторила Мкали, отпив глоток из стоявшего на столе стакана и качнув им как бы в продолжение своих слов, — представляет собой аномалию. Да, во многих культурах в это время года присутствует праздник, некое торжество по призыву Солнца назад после солнцестояния. Что поражает меня, так это то, зачем *пони* отмечают подобную вещь — и с таким энтузиазмом! Ведь именно вы среди всех народов должны наиболее твердо знать, что Солнце *никогда* не оставит вас.

Доттиду удалось удержать свою нижнюю челюсть на месте лишь невероятным усилием воли. События развивались совершенно не так, как он ожидал. Он был настолько удивлен необычным направлением беседы, что сам удивился, услышав собственный голос.

— На самом деле, он не про солнцестояние.

— Правда?

— Историческое событие, которое он чествует, имело место в разгар зимы. В те давние времена три племени...

— Да, я знакома с историей произошедшего тогда. Я читала об этом и, разумеется, смотрела прекрасную театральную постановку несколько лет назад.

— Хорошо. Так вот, он и не о холоде, и не о лишениях тоже. Сейчас мы вовсе не голодаем в это время года, и очаг зовется *согревающим* вполне по заслугам. Точно так же он и не про ночь. Мы любим ночь не меньше дня. День Согревающего Очага — это напоминание, ваше превосходительство.

— Напоминание? Быть добрыми? Ко всем благоволение, и всё такое?

— Таково клише, но я не это имел в виду. Я встречал лишь двух пони, про которых можно сказать, что они дарят свою добрую волю всем, и это пресвятые Сёстры. Можно сказать, что их святость по большей части заключается именно в способности к всеобъемлющей доброй воле, чем в том факте, что они сменяют день ночью. Но мы, ваше превосходительство, малы, и наша способность к доброй воле пропорциональна нам.

Мкали откинулась в кресле и сделала еще один глоток из стакана. Затем она поставила его на стол и заговорила снова, удивленно подняв брови:

— Разве такие речи не характеризуют вас как циника, господин секретарь?

— На самом деле нет. Скорее наоборот. Если бы мы сочувствовали всемпони — извиняюсь — *всем* и везде, наши сердца не выдержали бы. Ожидать от простого пони всеобъемлющей доброй воли — все равно что ожидать от него способности двигать солнце.

— Так о чем же напоминает нам День Согревающего Очага?

Доттид задумался на секунду, и казалось, что гора рухнула с его плеч. Когда он заговорил, говор его был похож скорее на говор его родного острова. Привычный идеальный кантерлотский акцент чуть сдал позиции.

— О семье. И о друзьях. Нам предписано любить наши семьи и наших друзей особенно горячо именно на День Согревающего Очага — не потому, что это какое-то особенное время, а затем, чтобы мы были благодарны за то, что они есть. Чтобы не считали их за что-то само собой разумеющееся. Чтобы помнить, ваше превосходительство, о простом чуде не-одинокости. Это как дарение подарков, которое является сегодня эквестрийским обычаем. Клише гласит, что лучше дарить, чем получать, но это не совсем так. Точнее будет сказать, что *весь смысл* заключается в дарении. Моя старая школьная подруга из Грифонстана называла этот обычай “преднамеренным причинением радости”. Может быть, не самый изящный оборот речи — она тогда только осваивала эквестрийский, — но мне запомнилось. Можно сказать, что все дело в чуткости. Напоминание, что надо не просто любить, но и помнить об этой любви и быть благодарным за то, что есть с кем ею поделиться.

Мкали улыбнулась, что сделало ее похожей на чью-то добрую бабушку. Да, очень хорошо образованную и обладающую княжеским титулом, но бабушку. Воображение Доттида, пожалуй, даже могло представить ее с яблочным пирогом, хотя она и настаивала бы на обсуждении символизма выбора именно этого вида десерта. Продолжая улыбаться, зебра наклонилась вперед и заговорила:

— В таком изложении звучит весьма обнадеживающе. Спасибо, господин секретарь, я поразмыслию над этим. И простите старого ипполога за потакание своим маленьким интересам. Теперь о, как вы выразились, ситуации с Блюбладом, — сказала она со вздохом. На секунду зебра умолкла, словно подбирая подходящие слова, и продолжила:

— Вы знаете, что наш народ придает словам очень большое значение, не так ли? Цена произнесенных слов высока.

— Конечно же, знаю. Именно поэтому Калики разговаривают лишь...

— Именно. Именно. Но думая так, вы упускаете из виду другую сторону нашего мировоззрения: быть достойным — с точки зрения зебры — означает говорить вещи, достойные слуха и памяти. Из этого следует, что слова, произнесенные кем-то, кто не имеет достоинства, не имеют большого значения.

— Я не вполне уверен, что понимаю вас.

— Все просто, господин секретарь. Слово кого-то вроде принца Блюблада стоит очень мало. Он не может оскорбить меня, не может польстить мне и не может, если на то пошло, изменить моего мнения о торговом соглашении, предложенном вашим правительством. Это все равно как если бы я оскорбилась бреханием собаки или свистом ветра.

Доттид был ошеломлен, так ошеломлен, что смог выдавить из себя лишь тихое “О...”

— Так что, господин секретарь, я не нуждаюсь в извинениях.

— Я понимаю. Тогда я сожалею о времени, что я отнял у вас, — сказал Доттид, собираясь встать и уйти, но был остановлен поднятым копытом. Мкали жестом попросила его сесть обратно и приятным тоном произнесла:

— Все в порядке. Я насладились нашей маленькой беседой, и ваш визит позволяет мне задать один важный вопрос. Быть может, слово Блюблада и никчемно, но мне кажется, что слово Доттид Лайна — совершенно другой случай. Итак, господин секретарь, соглашение. Эквестрийское зерно и готовые товары в обмен на нашу бумагу. Стоящая сделка или нет, как вы считаете?

— Мое правительство заявляет...

— Нет-нет, господин секретарь. Слово правительства Эквестрии, как бы это сказать, — произнесла Мкали, качая копытом взад и вперед, — не слишком твердо. Вот слово принцессы, оно на вес золота и столь же редко. Но я спрашиваю не правительство и не принцессу, господин секретарь, я спрашиваю вас, Доттид Лайна. Честна ли сделка?

Доттид поразмыслил над сложившейся ситуацией и решил идти напролом. Раз уж правда сработала один раз, то может сработать и сейчас. Спинни ни за что бы не одобрила и обвинила его в растрате столь ценного ресурса как правда, но ее здесь, в конце концов, не было.

— Да. Я верю, что честна. При всем своем богатстве Зебрика не может обеспечить сбор надлежащего урожая. Дешевое эквестрийское зерно станет благом и позволит направить биты, занятые сейчас в производстве продуктов питания, на оживление торговли или на инфраструктуру. А Эквестрия не менее остро нуждается в бумаге. Спрос легко превышает наше внутреннее производство, и мы никогда не пустим древний лес на, — тут Доттид пренебрежительно махнул копытом, — бланки и газеты.

Деревья растут медленно, с папирусом такой проблемы не возникает. Зерно во многих и многих наших хранилищах просто пропадает, портясь. Гораздо лучше будет пустить его туда, где ему найдется применение. Я читал отчеты и подозреваю, что, хотя на начальном этапе сделка будет выгодна нам, в длительной перспективе она принесет наибольшую пользу Зебрике.

— И такова истина?

— Нет, истина мне неизвестна. Но я не обманывал вас, и я ничего не скрыл.

Улыбка Мкали стала даже шире. Доттид не знал, на какую колбу стал похож теперь, но по взгляду Мкали мог предположить, что на ту, содержимое которой может обеспечить защиту диссертации, кучу статей и грант, да еще и на отличный ба-бах останется.

— Тогда решено. Я направлю свою рекомендацию моему правительству завтра.

— И это все? Так просто?

— Я решила довериться вам. Думаю, это весьма уместно, если учесть, какой сегодня день. И если уж об этом зашла речь, я не должна вас больше задерживать. Нет никаких сомнений в том, что вам нужно отправиться на праздник.

— Правда ваша, ваше превосходительство, у меня действительно есть планы на День Согревающего Очага.

Доттид быстро двигался к своему кабинету, лихорадочно размышляя на ходу. Дел было много, само собой, но, по крайней мере, удалось отправить всех по домам. Он отметил про себя, что надо бы послать Спинни весточку о том, что фиаско Блюблада взято под контроль. Нечего ей беспокоиться из-за этого во время праздников. Он промчался по коридорам секретариата, непривычно тихим сейчас, и распахнул дверь с табличкой “Д. И. Лайн, Секретарь Кабинета министров”. Оказавшись внутри, он обошел стопку форм 0451/DX, ждавших контрассигнации, перепрыгнул кучу отчетов 1138/T, которые, как он был почти уверен, попали к нему по ошибке, и чуть не упал от неожиданности, когда увидел в своем кресле знакомый силуэт.

— Листи! Какого сена ты тут делаешь?

Листи восторженно и одарил Доттида неуверенной улыбкой.

— Дотти! Я ждал тебя, вообще-то, и почти что...

— Ждал меня! Разве ты не должен быть в Филлидельфии? О Селестия, все в порядке? Что-то...

Увидев панику во взгляде Доттида, Листи сделал успокаивающий жест левым копытом.

— Нет-нет, все в порядке. Скоро улечу, я просто хотел...

Услышав, что все в порядке, Доттид осел и оперся на ближайшую кучу бумаг. Листи поднялся и указал на кресло жестом, но Доттид лишь отмахнулся. Вместо этого он заговорил:

— Тогда почему ты здесь? Я потратил кучу времени, чтобы отправить всех по домам. Проклятье, Спинни чуть ли не ломом пришлось выковыривать. Только не говори, что мне придется идти искать стражника, чтобы вышвырнуть тебя вон.

Листи улыбнулся, но было видно, что неискренне. Он несколько раз распушил крылья, смотря куда угодно, лишь бы не на Доттида, и наконец с большим трудом произнес:

— Слушай, Доттид. Насчет Филлидельфии. Я размышлял об этом. Наверное, мы должны пригласить тебя. Я знаю, что они сказали “только семьи”, но если подумать, то крестный ведь тоже...

Доттид поднял копыто и покачал головой.

— Листи, нет. Нет. Даже мне понятно, что не стоит идти туда, где тебе не рады. А семья Инки *никогда* не любила меня и будет любить еще меньше, если я заявлюсь — подумать только, на Согревающий Очаг! — без приглашения.

— Но...

— Расслабься. Все будет в порядке. На самом деле, хорошо, что ты зашел, потому что теперь я могу отдать тебе *вот что*.

С этими словами Доттид проскакал к шкафчику, отодвинул проект закона о плоской налоговой шкале, который он намеревался сжечь, и достал стопку свертков. Перенеся телекинезом, единорог опустил их на стол с заметным выражением удовлетворения на морде. Видя непонимающий взгляд Листи, он пояснил:

— Подарки. Я не смогу вручить их лично, раз меня там не будет. Я бы отдал их раньше, но вот этот, — сказал Доттид, указывая на совсем тонкий конверт с надписью “Роуз”, сделанной его аккуратным почерком, — доставил хлопот.

Улыбаясь, Листи поднял конверт, взвесил его, поднес к уху и потряс.

— Очень легкий. Я даже предположить не могу, что это такое. Разве что... — глаза его распахнулись, — Разве что... Билеты? Селестия! Ты достал билеты? Как? Даже стоячих мест не оставалось!

Доттид фыркнул. На его губах играла улыбка, которая при любых других обстоятельствах показалась бы невыносимо самодовольной.

— Стоячие места, говоришь? Это билеты в ложу, спешу тебя уведомить. Только самое лучшее для моей крестницы, слышишь меня?

— В ложу? *В ложу?* Как, провались я в Тартар, ты сумел достать места *в ложу?*

Доттид вновь откинулся на свое импровизированное бумажное кресло и ухмыльнулся.

— Ну... Ты ведь знаешь, что формально я являюсь гражданским руководителем всех спецслужб?

— О... Ничего себе! Что-то мне внезапно расхотелось узнать конец этой истории.

— Да, наверное, так будет лучше.

— Роуз будет в восторге, ты это понимаешь?

— Этого и добивался.

— Мой подарок найдет тебя завтра. Должен был уже быть здесь, но ты знаешь, какие проблемы бывают с доставкой. Ах да, Роуз тоже кое-что приготовила, но она хочет вручить тебе лично.

— Да? Она не обязана. И что же там? — с хитрецей спросил Доттид.

— Мне думается, что она считает, что обязана. И я не расскажу что там. Если я испорчу сюрприз, она мне этого не простит. Могу сказать только лишь, что оно даже легче твоего подарка, но достать его еще труднее, — произнес Листи с улыбкой, но потом как будто вспомнил что-то, из-за чего тень прошла по его лицу. С неохотой он заговорил снова:

— Дотти, ты уверен? Ты же знаешь, что дети скучают по тебе, и...

— Да, я уверен. Со мной все будет хорошо. А Роуз, Одуванчик и Бархатка смогут донимать дядюшку Дотти сколько захотят, как только вернутся назад. Теперь иди. В Филлидельфию полет неблизкий. И оденься потеплее. Там, наверху, холодно. И возьми горячее питье.

Листи поневоле закатил глаза.

— Хорошо, мамочка, — сказал он, — я будут смотреть по обеим сторонам, переходя дорогу. Ты абсолютно увер...

— Да, я уверен. Теперь иди. А я останусь. И не беспокойся, у меня есть планы на День Согревающего Очага.

Опустилась ночь. Погодные команды, перед тем как идти домой самим, отогнали тяжелые снеговые облака прочь, так что небо было кристально ясным и тысячи звезд ярко светили с него. Лучшая работа Луны за год, без всяких сомнений. Единственным, что соперничало с великолепием звезд, были фейерверки. Они периодически вспыхивали красным, оранжевым или зеленым огнем, а затем медленно опускались к земле снопом танцующих искр. Впрочем, Доттид всего этого не видел.

Он сидел за своим столом в тишине, его кабинет был холоден и освещался лишь маленькой настольной лампой, светлячки в которой были сонными и вялыми. Время от времени лампа мигала, заставляя тени плясать на стенах. Методичным движением взяв очередной бланк из стопки на полу, он пробежал по нему взглядом, нацарапал пером свое имя в углу и положил в другую стопку, которая за несколько последних часов выросла до угрожающих размеров. Его стол стоял напротив довольно-таки красивого панорамного окна, но он старался не смотреть сквозь стекло на блеск звезд, на уютный свет городских окон. И *особенно* — на фейерверки. Все это слишком сильно нравилось ему.

Тишину в комнате нарушали лишь скрип пера по бумаге, странные звуки пустого и холодного здания да тиканье настольных часов, которое разделяло бесконечную ночь на привычные отрезки. Доттид вздохнул, пошевелился, вздрогнул от неожиданного прострела в спине и взял следующий бланк. Особенно великолепный фейерверк взорвался над центром Кантерлота, заливая все малиновым светом. Доттид отвел взгляд, концентрируясь на бумаге. Он прочитал краткое описание происшествия. Проверил, что все необходимые пункты отмечены. Вывел в нижнем правом углу сложную завитушку, больше всего похожую на запутавшуюся струну или, если прищуриться, на слова “Д. И. Лайн”. Положил бланк на кипу. Вспыхнул еще один залп, даже более прекрасный, чем предыдущий, и достаточно сильный, чтобы отбросить резкие тени по всему пустому офису. В этот раз Доттид прикрыл глаза копытом. Когда он отвел его, оно было неожиданно влажным. Он снова вздохнул и левитировал листок бумаги, лежавший под краем бювара. Это был длинный список дел, значительная часть которых, надо сказать, была отмечена галочками, но еще больше оставались

непомеченными. Последний пункт был особенно зубодробительным. “Завершить подготовку проекта предложения по Зебрикскому договору и провести контроль законности”, — гласил он. В норме это было работой для двадцати клерков. Сегодня он занимался этим в одиночку. Сам виноват, если подумать — отпустил всех по домам. Почти всех.

Доттид в негодовании рыкнул на пустые графы, взглянул на часы и нахмурился. Было еще не очень поздно, но он смертельно устал. Окинув взглядом окружавший его бумажный бардак, единорог вздохнул и решил, что это подождет до завтра. Мысль о доме ни капельки не взбодрила, но ему надо было поспать, причем по возможности в постели — спина больше не могла переносить сон урывками в неудобных позах. Двигаясь как часовой механизм с наполовину вылетевшими шестернями, Доттид высушил перо, положил его в держатель, который по необъяснимому совпадению был выполнен в форме маленького дивана, закрыл чернильницу, отсортировал бумаги и как никогда осторожно поднялся. Он был готов поклясться, что слышит хруст в каждом суставе. Затем он выскользнул из кабинета, борясь с ощущением того, что сбегает как вор.

Он хотел было отправиться напрямик к воротам, а потом домой, к своему маленькому домику на окраине Кантерлота, но его захватил поток мыслей или, вернее сказать, полумыслей, ни одну из которых он так и не додумал до конца. Копыта сами вели его по знакомым коридорам дворца. Большинство из них были холодными и пустыми, прямо как его кабинет. Пони, что обычно наполняли это место жизнью, были где-то еще, вероятно, за теми уютно светящимися окнами, на которые Доттид избегал смотреть, словно боясь встретить осуждающий взгляд. В какой-то момент оглядевшись, единорог понял, что очутился в части дворца, противоположной обычным его местам обретения. Он был в конце зала Восточного Сияния, прямо у основания Башни Зари. И раз уж он был здесь, не было ни единой причины, чтобы не подняться наверх. Поднявшись наверх, он не нашел ни единой причины, чтобы не завернуть за угол, где находилась одна очень важная дверь.

Обычно двери в кабинет Солнечной Принцессы охранялись, но сегодня был День Согревающего Очага, и Принцесса отпустила стражей домой. Что Доттида удивило, так это то, что дверь была открыта и бьющий изнутри свет освещал пустой коридор. Он знал расписание Принцессы по минутам и понимал, что она должна была давно спать, передав почетное право председательства на дворцовых торжествах сестре. Положение было несколько затруднительным. Это был личный кабинет Принцессы, и все происходящее внутри было ее личным делом. С другой стороны, он был в том очень коротком списке пони, что могли входить в эти двери в любое время, причем был единственным из всего списка, чье имя не включало титул “Принцесса”, не начиналось на букву “Т” и не заканчивалось на “вайлайт Спаркл”. К тому же, надо признаться, ему было весьма любопытно и чуточку тревожно.

Доттид прошел по коридору, производя чуть больше шума, чем обычно, заменяя тем самым стук в дверь, и осторожно заглянул внутрь. За письменным

столом, в окружении бумаг, опустив носик на полированную кедровую столешницу и еле слышно похрапывая, сидела Селестия. Каким-то образом, несмотря ни на что, ей удавалось выглядеть царственно даже в таком виде. Чуть пуская слюни, да, но делая это наиболее величественным образом. Лицо Доттида приняло страдальческое выражение. Чем бы она ни занималась, это была его работа. Ей следовало отдыхать. Двигаясь с осторожностью, которая внешне никак не сочеталась с его массивной фигурой, он подошел ближе и взглянул на обложку. Каллиграфическим почерком Селестии на ней было выведено “Договор с Зебрикой — Предложения и отчет о законности”. Доттид долго смотрел на страницу и кое-что *вспомнил*. Он улыбнулся и почувствовал, что словно волна тепла незаметно разошлась по его мордочке. С величайшей осторожностью он взял бумаги и заметки, положил их в свои сумки и развернулся к выходу. Замер, отыскал взглядом кашемировый плед, лежащий на софе, поднял его и с аккуратностью, с которой когда-то работал с особо взрывоопасными реагентами, укрыл им Принцессу. Он не знал, умеют ли боги замерзать, но рисковать не стоило. Только не в случае с ней.

Возвращался к своему кабинету Доттид гораздо быстрее. Вместо того, чтобы бродить, он шел в своей обычной манере, быстро, выбирая самые прямые маршруты. Даже срезал по внутреннему двору, несмотря на ледяную погоду, чтобы не делать большой крюк через южное крыло. Он вломился в свой кабинет, топая на ходу, выбивая упрямые кусочки снега, застрявшие в густой шерсти. Осмотрел комнату, темную, холодную, негостеприимную, и неодобрительно цокнул языком. Постучав по сферам на стенах, разбудил спящих там светлячков, вспышкой из рога заставил огонь в камине заплясать уютными языками пламени. Доттид погрел копыта несколько минут, отмечая про себя, что надо будет подарить профессору что-нибудь милое. Согревшись, переместился к окну, чтобы заварить себе чай. Иногда вспыхивал фейерверк, и он отрывал глаза от этого своего очень ответственного занятия, чтобы посмотреть и совершенно по-жеребьячи улыбнуться. Еще его научный руководитель скорбно отмечал, что Доттид любил взрывы. Как только чай был благополучно перелит в чашку, а чашка перенесена на стол, он с размаху сел в протестующе скрипнувшее кресло, решительным щелчком открыл чернильницу и приступил к работе, тихо напевая себе под нос. У него были *планы* на этот День Согревающего Очага.